

Постсоветская деиндустриализация и проблемы коммунальной инфраструктуры (на примере юга о. Сахалин)

Юлия Николаевна Ковалевская,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: tupa67@mail.ru

В статье рассматривается общая проблема — деградация коммунальной инфраструктуры (водохранилищ, насосных станций, сетей) на периферии в результате постсоветской деиндустриализации на примере посёлка Шахтёрск (до 1947 г. — Торо, яп. 塔路) в Углегорском районе Сахалинской области. Полевое исследование было начато автором во время командировки на юг Сахалина в 2013 г. и расширено за счёт анализа исторического прошлого и мониторинга развития ситуации в последующие годы. Изучение «японского следа» в распаде коммунальных сетей даёт возможность рассмотреть эту проблему с оригинального ракурса, не позволяя свести её к техническим (критический износ сетей), финансовым (недостаток бюджетных средств), менеджерским (неэффективная местная бюрократия) и трансформационным (переход от советских к рыночным условиям хозяйствования) аспектам. Автор приходит к выводу, что причины, по которым рост доходов от ресурсной базы региона перестал напрямую влиять на поддержание системы жизнеобеспечения населения (коммунальной и социальной инфраструктуры), лежат в институциональной плоскости и находят объяснение в теории экстрактивных институтов и концепции «медленного» насилия. Политические и социальные экстрактивные институты обеспечивают перераспределение общественных благ от одних социальных групп к другим, углубляя неравенство в доступе к основным ресурсам жизнеобеспечения между центром и периферией, между привилегированными и обездоленными слоями общества. Экстрактивные институты в «реальном секторе» неразрывно связаны с дискурсивными практиками, которые стремятся рационализировать такое отношение к обездоленным группам в форме экономической целесообразности (оптимизация, паллиативное городское планирование), принижения социальной роли определённых групп («пенсионеры», «частники»). Постсоветский этап существования коммунальной инфраструктуры на юге Сахалина по результатам оказывается ниже не только советского (нерыночного), но и японского (рыночного, но колониального).

Ключевые слова: Дальний Восток России, Сахалин, Шахтёрск, деиндустриализация, инфраструктурное насилие, медленное насилие, паллиативное городское планирование.

**Post-Soviet Deindustrialization and Problems of Communal Infrastructure
(A Case Study of the South of Sakhalin Island).**

Yuliya Kovalevskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tupa67@mail.ru.

The paper examines the general problem — degradation of communal infrastructure (reservoirs, pumping stations, networks) in the periphery as a result of post-Soviet deindustrialization basing on the example of the village of Shakhtyorsk (until 1947 — Toro, Jap. 塔路) in the Ulegorsk district of the Sakhalin Region. The field study was started during a trip to South Sakhalin in 2013 and expanded by analyzing the historical background and monitoring the development of the situation in subsequent years. The study of the “Japanese trace” in the collapse of utility networks provides an opportunity to examine the problem from the original perspective without reducing to technical (critical deterioration of networks), financial (lack of budgetary funds), purely managerial (inefficient local bureaucracy) and transformational (transition from Soviet to market conditions of economy) aspects. The author concludes that the reasons why the growth of income from the resource base of the region ceased to directly affect the maintenance of the life support system of the population (municipal and social infrastructure) lie in the institutional level and are explained in the theory of extractive institutions and the concept of “slow” violence. Political and social extractive institutions ensure the redistribution of public goods from one social group to another, deepening inequalities in access to basic life support resources between the center and the periphery, between the privileged and the disadvantaged. Extractive institutions in the “real sector” are inextricably linked with discursive practices that seek to rationalize such attitude towards disadvantaged groups in the form of economic expediency (optimization, palliative urban planning), belittling the social role of certain groups (“pensioners”, “private owners”). According to the results, the post-Soviet stage of communal infrastructure in the south of Sakhalin turns out to be inferior not only to the Soviet (non-market) but also to the Japanese one (market but colonial).

Keywords: Far East of Russia, Sakhalin, Shakhtyorsk, deindustrialization, infrastructural violence, slow violence, palliative urban planning.

Настоящее исследование ставит задачу показать влияние деиндустриализации на социальные отношения через механизмы «инфраструктурного насилия». Основой такого механизма является в данном случае оптимизация коммунальной инфраструктуры (водопроводных сетей).

В работе использованы современная теория экстрактивных институтов Д. Аджемоглу и Д.А. Робинсона [1] и концепция «медленного насилия» А. Форбруга [14].

Статья основана на полевых материалах, собранных в ходе поездок на Южный Сахалин в 1992, 2002 гг., командировок 2013 и 2018 гг., а также

на публикациях сахалинских СМИ. Этот опыт представляет интерес, так как деградацию советских коммунальных сетей на Дальнем Востоке исследователи связывают с их принципиальной несовместимостью с рыночными условиями хозяйствования (Н. Рыжова, Т. Журавская) [11]. Но на юге Сахалина это не так: унаследованная от японцев техническая инфраструктура (системы водоснабжения и отопления, железнодорожные пути, дороги, аэропорты, электростанции, линии электропередач) имела изначально капиталистический (и к тому же колониальный) бэкграунд.

При этом и в японский (1905—1945), и в советский периоды коммуникации, необходимые для жизнеобеспечения (вода, тепло, электричество), поддерживались за счёт предприятий, генерирующих прибыль (для СССР — экспортную выручку), — угольных шахт, бумажных комбинатов, рыбного и лесопромышленного комплекса. В постсоветский период приносящая доходы ресурсная база Сахалина не исчезла и даже расширилась — к лесу, углю, рыбе в 2000-е гг. добавились шельфовая нефть и газ, а объём душевого ВРП с 1999 по 2013 г. «возрос почти в 56 раз и составил 1,2 млн руб., что в три раза превышает средние показатели по Дальневосточному федеральному округу, а в целом по России область занимает четвёртое место» [4].

В 1990-е гг. деиндустриализация и сокращение занятости затронули важнейшие отрасли специализации Дальнего Востока — ВПК, горнорудную, лесную, рыбную. Для Сахалина решающее значение имела реструктуризация угольной отрасли, которая была проведена менее чем за 5 лет. При этом в России «были высвобождены» (т.е., по сути, остались без работы) 780 тыс. чел. [6], а шахтёрские моногорода и посёлки на Сахалине потеряли примерно половину населения и надолго превратились в депрессивные.

Основные градообразующие предприятия были закрыты или приватизированы, при этом вместе с ними исчезли и ресурсы (финансовые, технические и кадровые) для поддержания социальной инфраструктуры. Когда мощности водопровода стало не хватать из-за износа водохранилища и сетей, администрация Шахтёрска сняла с себя ответственность, заявив, что не может найти и отремонтировать японскую часть водопровода, находящуюся в «нижней», старой части города¹.

Подобная ситуация прослеживалась на всём юге Сахалина (Южно-Сахалинск, Холмск, Углегорск, Шахтёрск, Лесогорск), где возникла проблема перехода японской/советской инфраструктуры (водопровода, железной дороги, теплосетей, аэропортов, кладбищ) к рыночным условиям хозяйствования. При этом подавляющая её часть была утрачена, а оставшаяся лишилась инклюзивного характера и стала механизмом социального исключения (в терминологии М. Буравого — «инволюции», несправедливого перераспределения).

Шахтёрск расположен на западном побережье Сахалина, на берегу Татарского пролива. Население посёлка достигло максимума к концу советского

¹ Шахтёрск возник в долине небольшой реки, историческую часть посёлка жители до сих пор называют «низ». В советское время дома и общественные здания стали строить на возвышенности, и эта новая застройка получила название «верх».

периода: в 1989 г. там проживало 12 тыс. чел. После закрытия шахт и сопутствующих производств число жителей стало сокращаться: в 2012 г. — до 8 тыс. чел., в 2020 г. — до 6,2 тыс.

Толчком к началу исследования послужил курьёзный случай: в 2013 г., явившись в мэрию в назначенный срок для интервью с чиновниками, мы застали там лишь одну вахтёршу. Она заявила, что все в полном составе ушли «вниз» искать водопровод [АОСПИ. Полевой дневник автора. Шахтёрск. 2013 г.].

Подобная ситуация, на первый взгляд, представляется абсурдной и нетипичной. Водопровод — объект технической инфраструктуры, который строится по определённому плану и нуждается в систематическом обслуживании. Чтобы его «потерять», необходимо утратить как теоретическое знание о нём (карту, техническую схему, сметы ремонта и пр.), так и то обыденное практическое знание (в терминологии Дж. Скотта — «метис»), благодаря которому он поддерживался в рабочем состоянии, вместе с носителями такого знания.

Первоначальное определение ситуации заключалось в предположении, что поскольку этот водопровод построила советская власть, то она, так сказать, унесла его тайну в могилу. Шахтёрск же является просто локальным случаем, где быстрое сокращение населения достигло тех пределов, когда местное сообщество уже не способно поддерживать инфраструктуру жизнеобеспечения. Действия администрации в этом случае интерпретировались как признак общей деградации системы: если в городе нет нормальных водопроводчиков, откуда возьмутся компетентные чиновники?

Однако дальнейшие исследования полностью опровергли эту версию. Проблема «потерянного водопровода» оказалась системной для всего Южного Сахалина, и попытки её решения чиновниками и сотрудниками различных ведомств показывают, что корни лежат гораздо глубже, чем неспособность постсоветской власти сохранять и эксплуатировать советскую техническую инфраструктуру.

Водопровод и ливневая канализация в городах и посёлках Южного Сахалина были построены японцами в период Карафута (1905—1945), преимущественно в 1930-х гг. В то же время были построены иные объекты технической и социальной инфраструктуры: водохранилища и насосные станции, маяки, аэропорты, железные дороги, электростанции и линии электропередач, школы, больницы и др. Советская власть, вероятно, никогда не имела полной технической документации для этой инфраструктуры, однако сумела её освоить благодаря двум факторам: переходному периоду в 1945—1947 гг., когда японские технические кадры передавали объекты советским специалистам, и наличию посредников — корейских рабочих, которые трудились на низших позициях при японском правлении и остались жить и работать на советском Сахалине. С 1939 по 1945 г. на остров принудительно было завезено по разным данным от 40 до 60 тыс. корейцев. Их использовали в строительстве автомобильных и железных дорог, добыче угля и рыбы, заготовке леса и других тяжёлых работах. Тогда же появились первые «такобэя» — лагеря

для рабочих-заклѹченных. В Углегорском районе (округ Эсутору) такобэя действовали на 6 шахтах, в том числе в Эсутору (Углегорск) и Торо (Шахтѣрск) [10]. Именно шахта и такобэя, в котором проживали обслуживающие её работники, стали ядром расселения исторической части Шахтѣрска, «внизу». Выше шахты, на горной речке, было построено водохранилище, в такобэя проложен водопровод. По этому же принципу была построена система водоснабжения во многих населѣнных пунктах Южного Сахалина. Иногда запруда водохранилища использовалась и для автономного производства электроэнергии (в посѣлке Надеждино, яп. Тио 千緒)².

В 1990-е гг. на всѣм Южном Сахалине обозначился общий кризис водоснабжения, который имел техническую и социальную (институциональную) сторону.

Технические проблемы заключались в том, что вода либо перестала поступать в дома, либо не доходила до верхних этажей в связи с тем, что в трубах упало давление, либо из кранов текла грязная жижа. С другой стороны, вода текла по дорогам, била фонтанами в местах земляных работ, подмывала линии электропередач и вышки сотовой связи, затапливала дворы и огороды [АОСПИ. Полевой дневник автора. Шахтѣрск. 2013 г.].

Сахалинские СМИ полны однотипных «новостей». Южно-Сахалинск: «...до сих пор используют японские инженерные сооружения, но никто не знает их расположение под землѣй. Потери воды составляют до 50%» [8]. Лесогорск: «...у нас нет схемы водовода Лесогорского, но без сомнения есть внутренние утечки. Село с численностью 257 человек не может потратить такой запас воды, что до весны не хватает» [5].

Выяснилось, что сахалинский водопровод представляет собой «химеру» (механическое соединение частей разных организмов) — в японское время его строили из керамических и бамбуковых труб, в советский период трубы использовались чугунные и металлические, так что соединение отдельных частей и ремонт представляли собой нетривиальную задачу. «В Холмске строители нечаянно нашли японские трубы, по которым все последние десятилетия текла вода. Рабочие меняли инженерные сети, а в итоге наткнулись на старинный артефакт. Очевидцы утверждают, что древний трубопровод до сих пор исправно работает. Перекрыть поток из старой трубы было сложно, так как она сделана не из металла, а из бамбука или дерева... Однако остановить воду удалось — рабочие перекрыли поток „чопиком“» (рис. 1) [9]. В 90-е гг. стали использовать пластиковые и метаполовые трубы, но недостаток ресурсов в муниципалитетах приводил к тому, что замена и ремонт проводились очень выборочно и точно. Пластик и новые материалы использовались «как яркая заплата на ветхом рубище» старых труб из ржавого железа (рис. 3).

Японское происхождение водопровода и экзотические материалы, из которых он был построен, использовались чиновниками в качестве оправдания

² Автор лично была на этой японской электростанции летом 1977 г.

Рис. 1. Японские водопроводные трубы из бамбука, г. Холмск [9]

Рис. 2. Жители Шахтёрска набирают воду в вёдра из пожарных машин.
Источник: социальная сеть «Одноклассники»

Рис. 3. Шахтёрск, вид на трубу отопления. *Источник:* социальная сеть «Одноклассники»

неэффективности собственной работы и коррупции. В кранах нет воды, а во дворе она бьёт фонтаном? А чего вы хотите, когда водопровод проходит неизвестно где, да ещё построен неизвестно из чего.

Так, в Шахтёрске все части системы водоснабжения оказались покрыты мраком неизвестности: «год постройки плотины неизвестен, последние мероприятия по реконструкции проведены в 1965 году» [3]; «с башней водоподъёма вообще непонятно. Она падает. Это видно. Но как её перестроить? Какой там фундамент?» [2]; «сети там ещё с японских времён, проложены неизвестно где. Утечки колоссальные. На эти 40 одноэтажных домов, многие из которых используются под дачи, уходит воды, как на весь город... Из муниципального жилфонда мы людей переселим в этом году. А частникам придётся решать проблему самостоятельно. Мы предложили им временно переселиться в Шахтёрск («наверх». — Ю.К.). Но люди отказываются» [15]. В результате на протяжении многих лет жители Шахтёрска (и «верха», и «низа») испытывали перебои с водой и носили её вручную, набирая из природных источников, пожарных машин и т.п. (рис. 2) [АОСПИ. Полевой дневник автора. Шахтёрск. 2013 г.].

В 1990-е гг., в эпоху хронического недофинансирования муниципалитетов, японское происхождение водопровода было хорошим оправданием, чтобы отклонить претензии граждан. Позднее, когда деньги на ремонт стали выделяться региональным центром, «потерянный водопровод» был

использован как механизм социального исключения и структурного насилия. Весь «низ», т.е. историческую часть Шахтёрска, где были преимущественно частные дома с подсобным хозяйством, а также ведомственные двухэтажные дома закрытых предприятий, было решено отрезать от водопровода. Это позволяло сократить расходы на ремонт и принудить жителей «низа» бросить свои дома, огороды и скот и переселяться «наверх», в многоквартирные дома, где было достаточное количество пустых квартир. Чиновники были заинтересованы в том, чтобы население компактно проживало в одном месте и ежемесячно платило ренту в виде коммунальных платежей.

Примечательно, что двумя годами позже областной властью были выделены дополнительные деньги, и «вниз» была всё-таки проведена труба. Вполне предсказуемо она дошла до нескольких дорогих коттеджей, но миновала дома «пенсионеров» и «частников». Глава поселения заранее предупредила: «Сделаем от неё отводы для частного сектора, но пробивать километры для каждого дома не сможем. Просто нет денег. В принципе, по закону это должны делать сами частники. Но у них тоже денег нет. Поэтому — водоразборные колонки. Но пока на сегодняшний момент решить вопрос по-другому мы не в состоянии. Будут возможности — конечно же, будем решать» [15]. Стоит ли говорить, что дома жителей Сахалина за пределами Южно-Сахалинска отапливаются отнюдь не газом (сахалинский газ отправляется преимущественно в Японию), а углём и дровами.

«Оптимизация» технической и социальной инфраструктуры, разумеется, не является местным, шахтёрским изобретением, а соответствует общероссийской политике «управляемого сжатия» [13] и «паллиативного городского планирования». По мнению столичных урбанистов, «населённые пункты на Севере, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири теряют население, но кто-то остаётся, и для них нужно перенастраивать городские системы. <...> Таким городам нужна паллиативная помощь. Надо постепенно уменьшать те районы, которые поддерживаются инфраструктурно, переселять остатки людей в центральные части города» [12]. Тот факт, что у пенсионеров нет средств на оплату услуг ЖКХ, а квартиры не приспособлены для содержания коз, свиней и кур, которые дают жителям пригорода дополнительный заработок, трудно доходит до сознания московских урбанистов.

В более общем смысле в постсоветское время мы видим смену типа рациональности в социальной сфере. Массовое строительство домов с водопроводом и канализацией связано с парадигмой модернизма и концепциями социальной гигиены. Канализация, водопровод, электрификация жилья рассматривались в первую очередь не как способ извлечения коммерческой прибыли, а как средства борьбы с эпидемиями и массовыми социальными заболеваниями (холера, тиф, гепатит, дизентерия, туберкулёз и др.). Расходы на строительство и поддержание инфраструктуры были очень высоки, но элиты индустриальной эпохи понимали, что они избавляют общество от ещё более значительных издержек — высокой детской и женской смертности, потерь рабочей силы, дезорганизации экономики и социальной жизни, политической нестабильности. В Японии конца XIX — середины XX в. также

проводилась специальная политика «научного управления», в рамках которой изучались, планировались и осуществлялись мероприятия в области социальной гигиены, в том числе в колониях. Так, японский писатель Такэкоси Ёсабуро писал в 1907 г.: «Не ошибусь, если скажу, что уровень цивилизации, достигнутый народом, можно определить по успехам его администрации в сфере санитарии» [7, с. 162].

СССР типологически не являлся «гидравлической цивилизацией» (как, допустим, Древний Китай или государства Средней Азии). Водопровод не использовался ни как средство «изъятия», ни как механизм «легитимного насилия» (по Ч. Тилли). ЖКХ не рассматривалось как источник ренты, плата за воду была символической, а отключение от водопровода не применялось как средство экономического или политического давления. Советская власть, при всей её жёсткости, использовала иные рычаги социального контроля. Принципиальное отличие постсоветской системы заключается именно в смене этой парадигмы отношения к водоснабжению и другим коммуникациям. Они стали использоваться для извлечения ренты, а также как механизм политического давления. Постсоветское структурное насилие парадоксально соединяет авторитаризм (централизованный контроль) и неолиберализм (монетизация социальной сферы) [13].

Частный пример с шахтёрским водопроводом показывает, что в постсоветской России и в 90-е гг., и позже развиваются не просто рыночные, но преимущественно экстрактивные институты. Техническая инфраструктура используется как механизм структурного насилия и максимизации ренты не только центральными, но и местными элитами. Рента увеличивается как за счёт тех, с кого можно больше взять (рост тарифов ЖКХ), так и за счёт тех, кому можно меньше дать («оптимизация» коммунальной и социальной инфраструктуры). При этом случай Шахтёрска показывает, что по уровню обеспеченности жизненно важными ресурсами постсоветская ситуация хуже не только по сравнению с советским периодом («тоталитарным»), но и японским (колониальным). Через регулирование доступа к воде формируются отношения неравенства и социального исключения нового постсоветского типа. Память о «долгих девяностых» у местных жителей связана с негативным физиологическим (телесно-предметным) опытом и сопровождающей его психологической травмой. Этот опыт соответствует определению «медленного насилия» (А. Форбруг) [14, с. 35] — переживания распространённого, но неуловимого насилия с отсроченными последствиями, которое проявляется на периферийных территориях.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Аст, 2021. 693 с.
2. Безударное воздействие. URL: <https://skr.su/articles/1/2016-07-05/bezudarnoe-vozdeystvie-228871/> (дата обращения: 15.11.2021).

3. Голоскок А. На водостанции в Шахтёрске бюджетные миллионы превращаются в грязную воду. URL: <http://uglegorsk.news/na-vodostantsii-v-shahtyorske-byudzhetnyie-millionyi-prevraschayutsya-v-gryaznuyu-vodu/> (дата обращения: 05.09.2021).
4. Горбунов В. Энергетический центр региона // Эксперт. 2013. № 45 (875). URL: <http://expert.ru/expert/2013/45/energeticheskij-tsentr-regiona/> (дата обращения: 14.09.2022).
5. За питьевой водой жители села Лесогорского по-прежнему ходят на родник. URL: <https://uglegorsk.ru/news/uglegorsk/113183/> (дата обращения: 11.10.2020).
6. Краснянский Г. Как изменилась угольная промышленность России за 20 лет // Российская газета. 2015. 28 сент. № 6788 (217). URL: <https://regnum.ru/news/1979893.html> (дата обращения: 15.10.2018).
7. Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е — 1930-е годы // Ежегодник Японии. 2016. № 45. С. 156—172.
8. На Сахалине до сих пор используют водопровод времён японской оккупации. URL: <https://regnum.ru/news/2540249.html> (дата обращения: 15.11.2021).
9. Новомодный И. В Холмске рабочие откопали трубы японского периода. 23.08.2017. URL: <https://astv.ru/news/society/2017-08-23-v-holmske-rabochie-otkopali-truby-yaponskogo-perioda> (дата обращения: 15.11.2021).
10. Пасюков П. Город Сахалин. URL: <https://sakhalin.info/weekly/165365> (дата обращения: 11.10.2020).
11. Рыжова Н.П., Журавская Т.Н. Жилищный вопрос в советской и постсоветской России: трансформация отношений собственности и повседневная политика // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 48—66. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/9961/10873> (дата обращения: 11.10.2020).
12. Сергей Шойгу хочет построить новые города в Сибири и перенести туда столицу. Интервью с Русланом Доховым. 06.09.2021. URL: <https://meduza.io/feature/2021/09/06/sergey-shoygu-hochet-postroit-novye-goroda-v-sibiri-i-perenesti-tuda-stolitsu> (дата обращения: 15.11.2021).
13. Трубина Е. «По-большому»: Городская инфраструктура и власть над пространством // Неприкосновенный запас. 2014. № 2 (94). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/2/po-bolshomu-gorodskaya-infrastruktura-i-vlast-nad-prostranstvom.html> (дата обращения: 11.10.2020).
14. Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры / пер. И.В. Троцук // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1. С. 31—52. DOI 10.22394/2500-1809-2020-5-1-31-52.
15. Шахтёрск: о воде и жилье. URL: <https://uglegorsk.ru/news/uglegorsk/81740/> (дата обращения: 11.10.2020).
16. АОСПИ (Арх. отдела социально-политических исследований).

REFERENCES

1. Adzhemoglu D., Robinson D.A. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty]. Moscow, Ast Publ., 2021, 693 p. (In Russ.)
2. *Bezudarnoe vozdeystvie* [Impactless Action]. Available at: <https://skr.su/articles/1/2016-07-05/bezudarnoe-vozdeystvie-228871> (accessed 15.11.2021). (In Russ.)
3. Goloskok A. *Na vodostantsii v Shakhtyorske byudzhetnye milliony prevrashchayutsya v gryaznuyu vodu* [At the Water Station in Shakhtyorsk, Budget Millions

- Turn into Dirty Water]. Available at: <http://uglegorsk.news/na-vodostantsii-v-shahtyorske-byudzhethnyie-millionyi-prevraschayutsya-v-gryaznuyu-vodu/> (accessed 05.09.2021). (In Russ.)
4. Gorbunov V. Energeticheskiy tsentr regiona [Energy Center of the Region]. *Ekspert*, 2013, no. 45 (875). Available at: <http://expert.ru/expert/2013/45/energeticheskiy-tsentr-regiona/> (accessed 14.09.2022). (In Russ.)
 5. *Za pit'evoy vodoy zhiteli sela Lesogorskogo po-prezhnemu khodyat na rodnik* [For Drinking Water, Residents of the Village of Lesogorskoye Still Go to the Spring]. Available at: <https://uglegorsk.ru/news/uglegorsk/113183/> (accessed 11.10.2020). (In Russ.)
 6. Krasnyanskiy G. Kak izmenilas' ugol'naya promyshlennost' Rossii za 20 let [How Coal Industry Changed in Russia within 20 Years]. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, September 28, no. 6788 (217). Available at: <https://regnum.ru/news/1979893.html> (accessed 15.10.2018). (In Russ.)
 7. Molodyakov V.E. Kolonial'naya politika i modelirovanie obraza Yaponii: Tayvan', 1900-e — 1930-e gody [Colonial Politics and Japan Modeling: Taiwan, the 1900s—1930s]. *Ezhegodnik Yaponiya*, 2016, no. 45, pp. 156—172. (In Russ.)
 8. *Na Sakhaline do sikh por ispol'zuyut vodoprovod vremeni yaponskoy okkupatsii* [Sakhalin Is Still Using Water Supply from the Japanese Occupation Period]. Available at: <https://regnum.ru/news/2540249.html> (accessed 15.11.2021). (In Russ.)
 9. Novomodnyy I. V Kholmske rabochie otkopali trubu yaponskogo perioda [In Kholmsk, Workers Dug up a Pipe from the Japanese Period]. 23.08.2017. Available at: <https://astv.ru/news/society/2017-08-23-v-holmske-rabochie-otkopali-truby-yaponskogo-perioda> (accessed 15.11.2021). (In Russ.)
 10. Pasyukov P. *Gorod Sakhalin* [Sakhalin City]. Available at: <https://sakhalin.info/weekly/165365> (accessed 11.10.2020). (In Russ.)
 11. Ryzhova N.P., Zhuravskaya T.N. Zhilishchnyy vopros v sovetskoj i postsovetskoj Rossii: transformatsiya otnosheniy sobstvennosti i povsednevnyaya politika [Housing in Soviet and Post-Soviet Russia: The Transformation of Property Relations and Everyday Politics]. *Mir Rossii*, 2019, vol. 28, no. 3, pp. 48—66. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/9961/10873> (accessed 11.10.2020). (In Russ.)
 12. *Sergey Shoygu khochet postroit' novye goroda v Sibiri i perenesti tuda stolitsu. Interv'yu s Ruslanom Dokhovym* [Sergey Shoigu Wants to Build New Cities in Siberia and Move the Capital There. Interview with Ruslan Dokhov]. 06.09.2021. Available at: <https://meduza.io/feature/2021/09/06/sergey-shoygu-hochet-postroit-novye-goroda-v-sibiri-i-perenesti-tuda-stolitsu> (accessed 15.11.2021). (In Russ.)
 13. Trubina E. "Po-bol'shomu": Gorodskaya infrastruktura i vlast' nad prostranstvom ["In a Big Way": Urban Infrastructure and Power over Space]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2014, no. 2 (94). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/2/po-bolshomu-gorodskaya-infrastruktura-i-vlast-nad-prostranstvom.html> (accessed 11.10.2020). (In Russ.)
 14. Vorbrugg A. Etnografii medlennogo nasiliya: issledovanie posledstviy razrushe-niya sel'skoy infrastruktury [Ethnographies of Slow Violence: Exploring the Consequences of the Destruction of Rural Infrastructure]. Translated by I.V. Trotsuk. *Krest'yanovedenie*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 31—52. DOI 10.22394/2500-1809-2020-5-1-31-52. (In Russ.)
 15. *Shakhtersk: o vode i zhil'e* [Shakhtyorsk: About Water and Housing]. Available at: <https://uglegorsk.ru/news/uglegorsk/81740/> (accessed 11.10.2020). (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 28.06.2022